

Irina TCYREMPILOVA* (Eastern-Siberian National Heritage Institute, Russia)

Советские практики сохранения и использования религиозного наследия в 20-30-е годы XX века (на материалах Байкальского региона)

Ключевые слова: Забайкальский край, Иркутская область, Республика Бурятия, церковь, антирелигиозная политика

В современных реалиях изучение и эффективное использование культурного наследия рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной политики. Это способствует не только социальному и экономическому развитию территорий, но и сохранению национально-культурной самобытности, исторической памяти и культурного ландшафта регионов. Особо значима эта проблема стоит перед полиэтническими и многоконфессиональными регионами, каковым является Байкальский регион. Поэтому обоснованным является обращение к анализу исторического опыта, особенно практик первых десятилетий советской власти по сохранению и использованию религиозного наследия. Кроме того, введение в научный оборот документальных свидетельств позволит показать сложность и противоречивость этого процесса.

Одной из основных задач новой власти стало установление тотального контроля над духовной жизнью общества. Поэтому религиозные институты, и особенно Русская православная церковь (РПЦ) рассматривались как структуры, обеспечивающие прочность и устойчивость царской власти. Кроме того, они обладали значительным имуществом и капиталами. Эти обстоятельства стали основными причинами того, что в первые годы советской власти была создана законодательная база, направленная на ограничение прав церковных институтов.

Основополагающим явился декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. Проект декрета был подготовлен и принят под названием «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», но в литературе и документах закрепился как декрет «Об отделении...». Именно этот декрет лежал в основе всего «религиозно-церковного законодательства» в стране, на котором базировались все остальные указы, постановления, инструкции и т.п., определявшие деятельность религиозных организаций и верующих в советском государстве. Согласно декрету все церковное имущество, включая здания и предметы культа, становилось государственной собственностью. Соответственно изъятие и конфискация церковной собственности, в том числе культурного наследия, проводились теперь на законных основаниях.

К специальным нормативным актам, регулирующим вопросы сохранения культурных ценностей, следует отнести декреты «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» (1918 г.), «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (1918 г.) и др. Особое значение имела специальная «Инструкция по учету, хранению и передаче религиозного имущества, имеющего историческое, художественное или археологическое значение» Народного комиссариата просвещения (1920 г.). Инструкция предписывала передачу государству всех культовых зданий, «имеющих историческое, художественное или археологическое значение», а также создание для этого специальных комиссий. С одной стороны, она узаконивала принудительное изъятие ценных в художественном отношении зданий; с другой благодаря этой инструкции многие культовые здания были спасены от уничтожения. На следующий год был принят декрет «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях», согласно которому церковное имущество

* irina161073@mail.ru

распределялось на три категории: «имущество, имеющее историко-художественное значение» (подлежало исключительному ведению Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса), «имущество материальной ценности» (должно было выделяться в Государственное хранилище ценностей РСФСР) и «имущество обиходного характера».¹ Тем самым, созданная нормативная база позволила на местах начать работу по учету исторических ценностей, находившихся в культовых зданиях.

В начале 1920-х гг. в стране была начата работа по созданию государственной системы охраны и использования культурного наследия. Так, в 1921 г. было создано Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями Наркомпроса – Главнаука, в ведение которого находились учреждения, занимавшиеся охраной историко-культурного наследия.² 7 января 1924 г. было издано постановление ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», в котором были определены основные направления советского «охранного» законодательства.

В рассматриваемый период на территории Байкальского региона были представлены все основные религиозные конфессии. Самой крупной и многочисленной конфессией по количеству верующих была Русская православная церковь. В церковно-административном отношении православные приходы региона входили в состав Иркутской и Забайкальской епархий. Буддизм был распространен среди бурятского населения, на территории проживания которого функционировало 46 дацанов. Старообрядческие приходы входили в состав Иркутской и Амурской и всего Дальнего Востока старообрядческой епархии (1911 г.). Центры мусульманского, иудейского и римско-католического вероисповеданий располагались в местах компактного проживания евреев, татар и поляков. Крупными религиозными центрами был города Иркутск, Верхнеудинск, Чита, где имелись синагоги, мечети и костелы. Все это свидетельствует об уникальности Байкальского региона, которая определялась его многоконфессиональностью, весомой ролью религиозных институтов и огромным влиянием духовенства на жизнь верующих.

На территории Байкальского региона местные власти приступили к решению религиозного вопроса с 1920 г., когда была окончательно установлена советская власть. При этом стоит отметить, что в период Гражданской войны у местных властей не хватало ни ресурсов, ни времени для полномасштабной реализации законодательных актов, направленных на ограничение деятельности религиозных институтов.

Одной из первоочередных задач стал учет церковного имущества. Так, в 1920 г. Иркутский губернский отдел юстиции издал специальное распоряжение об обязательном предоставлении «религиозными культурами описей церковного имущества, как назначенного специально для богослужений, так и прочего, не назначенного для богослужебных целей, имущества, капиталов и доходных предприятий». Согласно списку находилось «в городе Иркутске – 31 церковь, 3 монастыря и 3 Собора, а в Иркутской губернии – 317 церквей».³ В это же время проводилась национализация монастырского имущества. В 1920-1921 гг. при активном участии спецслужб были национализированы сооружения и имущество Иркутского Вознесенского монастыря. Так, согласно акту от 26 марта 1920 г. комиссия произвела «приемку сданного управлением Вознесенского монастыря ценного имущества». Предварительно предметы, предназначенные для богослужебной деятельности (по описи 15 наименований), выемке не подвергались и были оставлены «до распоряжения на попечении управления монастыря». В последующем, согласно представленным распискам и ордерам, с марта 1920 по март 1921 гг. у монастыря периодически изымалось для различных организаций (общезития, клуба, коммунального отдела, Дома крестьянина и др.) разного рода имущество: скот, мебель (столы, кровати, стулья и др.), матрасы, лампы, зеркала и др. Специальный ордер предписывал

¹ *Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury* (1973) 33.

² KULEMZIN (2001) 138.

³ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.1. Оп.1. Д. 22. Л.17 об.

сотруднику Особого отдела ВЧК тов. Максимова произвести «тщательный обыск и выемку всех писем, бумаг, документов и пр.».⁴

Наиболее оскорбительной для чувств верующих стала кампания по ликвидации мощей святых, которая проводилась с целью разрушения представления о неприкосновенности храмовых святынь. В 1921 г. были вскрыты мощи святителя Иннокентия, хранившиеся в Иркутском Вознесенском монастыре. Принимая решение о вскрытии, Иргубком преследовал двойную цель: убрать предмет паломничества из храма и реквизировать все богатейшие принадлежности. Так, «мощи святителя находились в гробнице (раке) из чистого серебра весом в пять пудов. С амвона возвышались восемь беломраморных колонн, поддерживающих арку, украшенную 72 херувимами, а на куполе ее сиял золотой резной ангел. Внутри балдахина была помещена картина московских художников «Тайная вечеря», на ее раме висела золотая чаша, изготолвенная в натуральную величину. Небольшой иконостас был увешан дорогими лампадами, среди них была серебряная лампада, подаренная цесаревичем Николаем во время его посещения монастыря в 1891 г. Тут же перед мощами стоял громадный подсвечник из чистого серебра весом в 8 пудов».⁵ 11/24 января 1921 г. специально созданная комиссия приступила к работе. Тело святителя предстало перед производившими вскрытие без следов тления, о чем было официально засвидетельствовано. Архиепископ Анатолий в письме председателю губревкома Шнайдеру отметил незаконность «удаления раки Святителя с освященными останками из стен монастыря» и просил светские власти «не вторгаться в вероисповедную жизнь Церкви».⁶ Одновременно руководство Иркутской епархии обратилось к верующим с посланием: «...Мощи Иннокентия вскрыты: облачение и одежда сняты, нетленное тело обнажено и оставлено в храме открытым. Церковь закрыта. Богослужение прекращено. Монастырь и храм охраняются конным караулом с целью не допустить никого в храм...».⁷

26 января группа священнослужителей и мирян И. Чагин, А. Прохоров, М. Орлов, И. Загошкин, М. Верховзин, Н. Можаров, о. Н. Успенский, о. В. Флоренсов и о. И. Тихомиров выступили против поругания нетленных мощей свт. Иннокентия. Они разъясняли, что «прикосновение к мощам свт. кощунственно, извлечение их из раки – святотатство». 4 февраля все члены группы были арестованы органами Иркутской губчека, но в апреле решением губревтрибунала были освобождены.⁸ На заседании 30 января 1921 г. Иркутский губревком под сильным давлением верующих принял решение положить останки святителя в гробницу и вернуть «попам». Такой исход дела не устраивал организаторов кампании по вскрытию мощей. В Омск срочно был направлен запрос о дальнейших инструкциях. Сибкрайком поручил вывезти «мумию» в Москву и передать на выставку по охране здоровья.⁹ 1 марта отряд Иркутской губчека погрузил в вагон №82033 поезда №3 ящик с мощами святителя, на следующий день поезд отправился в Москву. Только в 1990 г. мощи святителя Иннокентия были обнаружены в Ярославском историко-краеведческом музее и возвращены в Иркутск.

Одним из трагичных эпизодов в истории государственно-церковных взаимоотношений рассматриваемого периода стала кампания по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих 1921-1922 гг. На деле изъятие ценностей было направлено на то, чтобы национализировать несметные церковные богатства, при этом официально объявленной задачей ставилось спасение жизни голодающих. На территории Байкальского региона данную кампанию следует рассматривать в контексте особенностей политической ситуации. Наиболее результативно эта кампания была проведена на территории Иркутской губернии, а в Забайкалье затянущееся национально-государственное строительство отодвинуло ее проведение до 1923 г.

В Иркутской губернии изъятие началось в 1922 г. с созданием специальных комиссий, развертыванием агитационных мероприятий, проведением показательных демонстраций и т.д.

⁴ ГАНИИО. Ф.1. Оп.1. Д. 22. ЛЛ.3-21.

⁵ SIRIN (1997) 97.

⁶ SIRIN (1997) 99.

⁷ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.121. Оп.2. Д. 43. Л.2.

⁸ *Irkutskaya letopis'* (2004) 423.

⁹ ГАИО. Ф.485. Оп.2. Д.24(2). Л.2

Планировалось начать изъятие из более богатых и крупных православных храмов: Казанского Кафедрального собора, Знаменского и Воскресенского монастырей, а затем перейти в деревни, «руководствуясь политическими соображениями». Сегодня установить точные размеры изъятых церковных ценностей, а также сколько из них реально пошло на помощь голодающим, не представляется возможным. Из выявленных источников, можно привести данные, опубликованные в газете «Власть труда». Так, общий итог изъятия церковных ценностей по г. Иркутску составлял: 127 пудов 12 фунтов 3 золотника 81 доля серебра; 1 пуд 34 фунта 26 долей золота; 787 шт. бриллиантов; 16 шт. розочек бриллиантовых; 7 шт. изумрудов; 34 шт. яхонта; 29 шт. Аквамарина.¹⁰

В отличие от других регионов на территории Забайкалья церковное имущество конфисковывалось в пользу голодающих советской России в 1923 г. Так, 11 апреля 1923 г. в Забайкальский губернский комитет РКП за №418/с поступила телеграмма Дальневосточного бюро ЦК РКП под грифом «совершенно секретно». В телеграмме предписывалось приступить к проведению в жизнь декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Предлагалось руководствоваться следующими положениями: «1. Проведение изъятия диктуется не только в целях получении самих ценностей, в главной мере необходимостью лишить церковь материальной основы, дискредитировать церковь перед широкими народными массами.... 3. Комиссии в церквях непосредственного изъятия не производят, требуют себе церковные описи, понуждая сдавать отмеченные в описях ценности церковных старост, духовенство. Замены деньгами, а также другими эквивалентами сравнимые с ценностями, не допускайте».¹¹

В ходе дальнейших мероприятий на местах стали создаваться специальные комиссии и по приему и фактической проверке церковного имущества. Так, 18 апреля 1923 г. в г.Чите были созданы две комиссии по учету и оценке всех имеющихся в городе церквей и молитвенных домов. Интересны сведения, которые были собраны в ходе проверки имущества церквей. Комиссия под руководством Киргизова, проверив имущество пяти церквей и двух молитвенных домов (Троицкая, Кладбищенская, Михаило-Архангельская (Декабристов), Иоанно-Предтеченская церкви, женский монастырь и др.), выяснила что, в них находится ценностей на сумму 3637 руб. 50 коп., которые можно изъять, «каких-либо драгоценных камней и ценного шитья на ризах нет... технически легко снять украшения с Евангелий. Снятие же украшений с икон является затрудненно, так как целость икон будет нарушена», «есть чаши из польского серебра», «снять ризы с икон можно, но чтобы не оскорблять религиозного чувства верующих, надо ценные иконы взять совсем, так как они не на иконостасах, а стоят отдельными, и после снятия риз их не возвращать совсем».¹²

21 августа 1924 г. Народным комиссариатом финансов по линии секретной части общего управления был издан циркуляр №19/ф, в котором определялся порядок ликвидации предметов религиозного культа. Согласно циркуляру определялось, что ликвидация молитвенных зданий должна производиться административным отделом НКВД в присутствии представителей финотделов, коммунотделов, губмузея и групп верующих. Все предметы из драгоценных металлов должны поступать в Гохран, все предметы исторической или художественной ценности – в Главмузей. Остальные предметы, если они освящены (иконы, ризы, хоругви, покровы и т.д.), передавались верующим «для переноса в другие молитвенные здания того же культа... Такие предметы ни уничтожению, ни продаже, ни хранению в советских складах не подлежат». Предметы неосвященные (мебель, ковры, колокола и пр.) подлежали зачислению в Госфонд и реализации через комиссию на общих основаниях.¹³

Деятельность Гохрана в 1920-1930-е гг. как государственного хранилища ценностей, созданного для их централизации и учета, была далека от идеала. Как свидетельствуют современные исследования, следы многих памятников искусства, попавших в Гохран, потеряны навсегда, значительная часть культурных ценностей, произведений искусства, в том числе

¹⁰ *Vlast' truda*. 1922. №117.

¹¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.п.-81.Оп.1. Д.697. Л.41.

¹² ГАЗК. Ф.п.-81.Оп.1. Д.697. Л.47об.

¹³ ГАЗК. Ф.п.-110.Оп.1 Д.240. Л.16.

церковного, была вывезена за границу или продана. Памятники церковного искусства, попавшие в музеи, также имели неодинаковую судьбу. Предметы пропадали из-за неумелого и небрежного хранения, из-за непонимания истинной ценности каждого конкретного произведения, из-за общего низкого уровня теории и практики музейного дела.¹⁴

В ликвидационном процессе 1930-х гг. наряду с экономическим и налоговым прессингом, административными притеснениями, развернутой антирелигиозной агитацией и пропагандой важное место занимает закрытие культовых зданий. Мощным стимулом к закрытию храмов было и то, что 40 процентов вырученных от реализации сумм шло в местный бюджет. Большая часть культовых зданий была передана различным учреждениям и ведомствам, причем в этом вопросе видное место занимал Народный комиссариат просвещения, который давал практические рекомендации по использованию зданий и церковного имущества. Немалое количество культовых зданий, не использовавшихся по прямому назначению, приходило в негодность и постепенно разрушалось. И лишь небольшая часть культовых памятников была передана музеям, благодаря чему эти памятники сохранились до наших дней.

В рассматриваемый период одной из форм использования культового здания стал атеистический музей или отдел. Так, к 1929 г. по стране было открыто 30 антирелигиозных музеев, располагавшихся в бывших храмах.¹⁵ В 1931 г. вышло специальное Постановление коллегии Наркомпроса «Об антирелигиозном музейном строительстве», в котором констатировалось «все еще неудовлетворительное состояние антирелигиозного музейного строительства». Предлагалась следующая схема развития сети антирелигиозных музеев: «а) Центральный антирелигиозный музей всесоюзного значения (ЦАМ) Центрального совета союзов воинствующих безбожников; б) антирелигиозный музей республиканского значения – Государственный антирелигиозный музей в Ленинграде (в б. Исаакиевском соборе); в) антирелигиозный музей или антирелигиозные отделения краеведческих музеев в краевых и областных центрах; г) антирелигиозные отделения или антирелигиозные экспозиции в районных и местных краеведческих музеях».¹⁶

На территории Байкальского региона была начата работа по антирелигиозному музейному строительству. 5 сентября 1933 г. было принято решение Иркутского горсовета о передаче здания Крестовоздвиженской церкви Восточно-Сибирскому краевому музею для организации антирелигиозного музея.¹⁷ До принятия этого решения было проведено обследование состояния церкви, инициированное музейными работниками. Акт от 28 октября 1932 г., подписанный от дирекции краевого музея А. Окладниковым (будущим выдающимся археологом, академиком), инспектором Ф. Карантонисом, инспектором по церковным делам при горсовете Суловым, членом исполнительного органа Крестовоздвиженской церкви Дейниковским, свидетельствует что, церковь по архитектурному облику относится «к местным Сибирским, точнее Иркутским образцам стиля «позднего Барокко» (конец первой половины восемнадцатого столетия)... изумительное богатство скульптурных украшений, архитектурного узорочья, хранящих отзвуки более раннего времени из истории русской архитектуры и отражающих влияние Восточного искусства... выдвигают эту церковь на первое место в ряду древних каменных церквей Восточной Сибири, а также и Западно-Сибирского Края... Архитектурный комплекс... дополняется ценнейшими образцами резьбы по дереву (иконостас) и церковной живописи. Иконостас летней церкви 1758 года... его формы – сдержанные и строгие для пышного Елизаветинского Барокко, не находят себе точных аналогий и уникальны для СССР».¹⁸ В целях сохранения, восстановления и использования Крестовоздвиженской церкви как памятника высшей категории, имеющего всесоюзное историко-художественное значение, комиссия считала необходимым «передать здание в целом, со всем имуществом

¹⁴ VORONTSOVA (1993) 69-82.

¹⁵ KAULEN (2005) 32.

¹⁶ *Sbornik postanovleniy po muzeynomu stroitel'stvu RSFSR* (1934) 18-19.

¹⁷ *Irkutskaya letopis'* (2004) 580.

¹⁸ ГАИО. Ф.р-504. Оп.5. Д.279.ЛЛ.31-35.

научно-музейного значения в современном его составе, в распоряжение ОХРИСа и органов народного образования для использования в культурно-просветительных и научных целях».¹⁹ Создание антирелигиозного музея спасло здание церкви от полного разрушения, в это время именно сюда свозились церковные реликвии, иконы, предметы культового обихода из закрываемых храмов. В 1943 г. здание было возвращено верующим, а с 1948 г. постановлением Совета Министров РСФСР оно находится под охраной государства.

В Бурятии были предприняты подобные меры. В 1933 г. из Верхнеудинского краеведческого музея был выделен антирелигиозный отдел, который затем становится самостоятельным музеем (просуществовал до 1941 г.). Директором Антирелигиозного музея была назначена А.И. Герасимова. Антирелигиозному музею согласно выписке из протокола №125 заседания Президиума ЦИК Бурят-Монгольской АССР от 16 мая 1934 г. было передано здание Верхнеудинского Одигитриевского собора как памятника 1-категории историко-архитектурного значения.²⁰ Впоследствии здание использовалось как фондохранилище музея истории Бурятии.

Аналогичные шаги предпринимались музейными работниками г. Читы. Так, 2 февраля 1930 г. в Читинский городской Совет было подано ходатайство от совета Читинского музея им. А.К. Кузнецова, историко-революционной секции Забайкальского отделения Дальневосточного общества краеведения и совета Забайкальского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев «о передаче Читинскому музею церкви декабристов со всем находящимся в ней имуществом и усадьбой с изъятием из рук церковников». Согласно данному документу основанием для этой передачи являлось то, что Михайло-Архангельская церковь «представляет собой старейшее сохранившееся здание, отражающее собой образец старинной архитектуры... содержащего в себе и старинную церковную живопись и старинный редкой работы иконостас». В связи с тем, что церковь «имеет тесную связь с памятью пребывания ссыльных декабристов, тюрьма которых и домики, построенные их женами, ютились вокруг этой церкви... имеются иконы, писанные декабристом Бестужевым и в ограде церкви две могилы, связанные с декабристами», предполагалось зарегистрировать ее как историко-революционный памятник.²¹ В дальнейшем здание церкви, сторожки, ограды, предметы и вещи были переданы Читинскому музею революции. Однако здание церкви в советский период использовалось под склады, общежитие и только в 1985 г. в здании Михайло-Архангельской церкви был открыт музей «Церковь декабристов».

Таким образом, на территории Байкальского региона в начале 1930-х годов была проведена работа по музеефикации культовых зданий, которым был присвоен статус памятников историко-художественного и историко-революционного значения. Это можно рассматривать как одну из положительных практик советской власти по сохранению и использованию объектов культурного наследия.

Набиравший обороты комплекс антирелигиозных мероприятий не помешал органам власти в середине 1930-х гг. предпринять ряд определенных мер по сохранению уникальных предметов при ликвидации культовых зданий. В частности, это нашло выражение в принятии 16 мая 1934 г. постановления Президиума ЦИК БМАССР №307 «Об охране предметов музейного значения». Особое внимание обращалось на «недопустимое отношение со стороны АИК – РИК, горсоветов и сомсельсоветов к охране имущества ликвидированных зданий. В результате существующей недооценки и безобразного отношения к охране имущества музейные ценности, имеющие нередко валютное значение подвергаются порче, истреблению и расхищению».²² В качестве примеров приводились следующие факты расхищения, уничтожения культового имущества: «...Архив Посольского монастыря давно уничтожен бесследно», в Кяхтинском Соборе «серебряные ризы, сделанные на средства местного кулачества, итальянскими художниками, имеющими большую ценность как художественная

¹⁹ АКУЛИЧ (2002) 40.

²⁰ Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.р.-475. Оп.9. Д.13. Л.30.

²¹ ГАЗК. Ф.282. Оп.1. Д.3201. Л.292.

²² ГАРБ. Ф.р.-475. Оп.9. Д.13. Л.39.

редкость, реализованы как серебро на лом, а некоторые оказались похищенными». ²³ Президиум ЦИК БМАССР предлагал председателям АИК-РИК и горсоветов под личную ответственность «обеспечить охрану вещей музейного значения...установить систематическую проверку всех инвентарных книг и описей имущества, в случае расхищения привлекая виновных к судебной ответственности...предложить Наркомфину усилить контроль по учету и использованию культового имущества, подлежащего зачислению в госфонд». ²⁴

Реализация данного постановления позволила в ходе многочисленных экспедиций по районам республики собрать 12,7 тыс. музейных предметов - бесценных памятников культуры. Огромная заслуга в сохранении предметов культа и памятников искусства принадлежит музейным работникам А.И. Герасимовой, Г.Д. Нацову, А.П. Кочетову, Б.Э. Эрдынееву, Ж.Ж. Жабону и многим другим. Именно они, подлинными энтузиасты, несмотря на огромные трудности, на полуторках, лошадях, а порой и на себе, вывозили из разрушенных дацанов и церквей уникальные памятники. ²⁵

В 1930-е гг. особую тревогу среди специалистов вызывала сохранность уникальных буддийских ценностей – огромного количества тибетских и монгольских рукописей, ксилографов, изобразительных материалов, танка – произведения буддийского изобразительного искусства и др. При этом ксилографические доски в большинстве своем не имели религиозного содержания, а представляли собой словари, грамматики, повествовательные и поэтические произведения, сочинения по истории, медицине, астрономии. По приблизительным подсчетам минимальное количество буддийской литературы по состоянию на 1914 г. в сорока основных дацанах составляло 450 тысяч томов (по 400 страниц в среднем) и оценивалось в 4,5 миллионов рублей в ценах 1914 г. ²⁶ Обеспокоенность за судьбу этих ценностей стало причиной обращения хамбо-ламы Агвана Доржиева к председателю ВЦИК М.И. Калинину и председателю Комиссии по вопросам религиозных культов П.Г. Сидовичу: «варварское уничтожение этих единственных в своем роде литературных памятников... гибнут исключительные исторические памятники, привлекающие внимание крупнейших ученых и являющиеся для них материалом первостепенной важности и ценности». ²⁷

Поиск решения в сложившейся ситуации стал предметом постоянной переписки между Комиссией по вопросам культов, Институтом востоковедения АН СССР, ЦИК и СНК БМАССР и др. В докладной записке ИВ АН СССР, подписанной директором, академиком А.Н. Самойловичем, заведующим монгольским комитетом, чл.-корр. АН СССР Н.Н. Поппе, старшим специалистом – тибетологом А.И. Востриковым, ученым секретарем Папаяном, отмечалось, что собрания тибетских и монгольских рукописей, сосредоточенные в дацанах Бурятии «в большинстве своем отсутствуют не только в европейских научных коллекциях, но и даже в самой богатейшей в мире коллекции, принадлежащей нашей АН. Встречаются и такие рукописи, которые вообще имеются в одном экземпляре и отсутствуют даже в самом Тибете. Научная ценность этих коллекций исключительно велика, а их обилие дает возможность при правильной постановке дела их научного использования не только обеспечить центральные и местные научные организации богатым материалом, но и наладить обмен с научными организациями мира». ²⁸ На основе данных научных экспедиций 1929, 1931, 1932, 1934 гг. приводились вопиющие факты уничтожения рукописей и ксилографов, их использования как топлива и «для оклейки зимних рам в различных учреждениях и для уборных», «было сложено в кучу во дворе районного отделения милиции свыше трех тысяч возов тибетских рукописей и ксилографов, которые и сгнили под дождем», «книжное культовое имущество было сброшено в реку» и т.д.

²³ ГАРБ. Ф.р.-475. Оп. 1. Д.1. Л.59.

²⁴ ГАРБ. Ф.р.-475. Оп.9. Д.13. Л.39 об.

²⁵ ОСИРОВА, LEVITINA (2003) 9-10.

²⁶ *Buddizm v istorii i kul'ture buryat* (2014) 105.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).Ф.р.-5263. Оп.1. Д.132. ЛЛ.98-99.

²⁸ ГАРФ.Ф.р.-5263. Оп.1. Д.132. Л.85.

При этом справедливо указывалось, что вся полнота ответственности за уничтожение и разграбление буддийских ценностей лежит на местных органах власти и на Бурят-Монгольском институте культуры, которому было предоставлено монопольное право их хранения и научного использования. Дальнейшим спасением буддийских ценностей занималась специально созданная в 1939 г. комиссия АН СССР, которая обследовала имущество 21 дацана, наиболее ценные экспонаты были инвентаризированы, упакованы и отправлены в антирелигиозный музей. В 1939-1940 гг. большая часть библиотеки Агинского дацана была отправлена в Ленинград, в Институт востоковедения АН СССР (сегодня Институт восточных рукописей в Санкт-Петербурге).²⁹

Однако организационные трудности и отсутствие подготовленных научных сотрудников антирелигиозного музея не позволили обеспечить надлежащий учет и сохранность буддийских экспонатов. В 1958 г. специальным постановлением Совета министров Бурятской АССР тибетские книги из музея были переданы в рукописный отдел Бурятского комплексного научно-исследовательского института (сегодня Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН).

Наряду с буддийской коллекцией в антирелигиозный музей поступила большая часть предметов православной коллекции – иконы, Острожская Библия Ивана Федорова, предметы церковной утвари, облачения священнослужителей и др. После закрытия римско-католического костела в г.Верхнеудинске часть его предметов в количестве 66 позиций на общую сумму 541 р. 93 к. также поступила на хранение в музей. В их числе были иконы, хоругви, предметы облачения священника, предметы для богослужения и др.³⁰

В 1941 г. в связи с сокращением финансирования Антирелигиозный музей был закрыт, а в 1946 г. был объединен с Центральным Бурят-Монгольским музеем (сегодня Национальный музей Республики Бурятия). К сожалению, штат научных сотрудников музея в указанные годы включал только одного хранителя (фонды не были разделены на группы хранения) и одного сотрудника по учету фондов. Поэтому большая часть музейных предметов, в особенности религиозные коллекции не подвергались научному изучению не только по причине «закрытости» темы, но и в связи с острой нехваткой кадров.

Таким образом, в 1920-30-е гг. основные направления государственной антирелигиозной политики определяли негативное отношение к историческому прошлому, что, к сожалению, привело к уничтожению большей части уникальных церковных ценностей. Но при этом, в деятельности органов местной власти, ученых, практиков и специалистов имели место попытки конструктивного диалога и принятия конкретных мер, направленных на сохранение и дальнейшее использование религиозного культурного наследия.

²⁹ SINICIN (2013) 153.

³⁰ SEMENOV (2009) 119.

Библиография (Bibliography)

Источники (Sources)

- Государственный архив Республики Бурятия (Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya).
ГАРБ. Ф.р. – 475. Оп. 1. Д.1.
ГАРБ. Ф.р.-475. Оп.9. Д.13.
Государственный архив Забайкальского края (Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykal'skogo kraya)
ГАЗК. Ф.282. Оп.1. Д.3201.
ГАЗК. Ф.п-33. Оп.1. Д.116.
ГАЗК. Ф.п.-81. Оп.1. Д.697.
ГАЗК. Ф.р.-110. Оп.1. Д.240.
ГАЗК. Ф.р.-27. Оп.1. Д.59.
Государственный архив Иркутской области (Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti)
ГАИО. Ф.121. Оп.2. Д.43. Л.2.
ГАИО. Ф.485. Оп.2. Д.24(2).
ГАИО. Ф.р-504. Оп.5. Д.279.
Государственный архив новейшей истории Иркутской области (Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Irkutskoy oblasti)
ГАНИИО. Ф.1. Оп.1. Д. 22.
ГАНИИО. Ф.1. Оп.1. Д.1023.
Государственный архив Российской Федерации (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii)
ГАРФ. Ф.р.-5263. Оп.1. Д.132.

Литература (Literature)

- AKULICH O.A. (2002), *Irkutskiy oblastnoy krayevedcheskiy muzey i vlast': 1930-ye gody (po materialam GAIO) // Krayevedcheskiye zapiski*, Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii SO RAN, Vyp. 9, S.34-49. [in Russian]
Buddizm v istorii i kul'ture buryat (2014), Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 418 s. [in Russian]
Irkutskaya letopis'. 1661-1940 gg. (2004), Irkutsk: «Ottisk», 848 s. [in Russian]
KAULEN M.Ye. (2005), *Muzei-khramy i muzei-monastyri Rossii: katalog-spravochnik*, М. : RIPOL klassik, 768 s. [in Russian]
KULEMZIN A. M. (2001), *Okhrana pamyatnikov v Rossii kak istoriko-kul'turnoye yavleniye*, Kemerovo: Izd-vo obIIUU, 328 s. [in Russian]
OCHIROVA Ts.-Kh.V., LEVITINA L.F. (2003), *Muzeyu istorii Buryatii im. M.N. Khangalova – 80 let. Khronika, sobytiya, lichnosti // Regional'nyye muzei: nastoyashcheye i budushcheye: sb. st. mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, g. Ulan-Ude, 21 noyabrya 2003 g., Ulan-Ude: Nova Print, S. 7-17. [in Russian]
Sbornik postanovleniy po muzeynomu stroitel'stvu RSFSR. 1931 – 1934 g. (Narodnyy Komissariat po Prosveshcheniyu. Muzeynyy otdel.) (1934), М.: Izdaniye Muzeynogo otdela NKP RSFSR. [in Russian]
SEMENOV Ye.V. (2009), *Katolicheskaya tserkov' v Zabaykal'ye (1839-1930 gg.): ocherk istorii*, Ulan-Ude : Izdat.-poligraf. kompleks FGOU VPO VSGAKI, 161 s. [in Russian]
SINICIN F. L. (2013) «Krasnaya burya». *Sovetskoye gosudarstvo i buddizm v 1917-1946 gg.*, SPb.: izd-ye A.A. Terent'yeva, 528 s. [in Russian]
SIRIN A. D. (1997), *Svyatotatstsy // Istoricheskiye sud'by pravoslaviya v Sibiri*. Irkutsk : IrGTU, S. 94-102. [in Russian]
Vlast' truda. (1922), №117. [in Russian]
VORONTSOVA L. (1993), *Razrushat' li muzei radi tserkovnogo vrozhdeniya? // Religiya i demokratiya*, М., S.69-82. [in Russian]
Охрана памятников истории и культуры. (1973), Сб. документов, М.: Советская Россия. *Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury*. (1973), Sb. dokumentov, М.: Sovetskaya Rossiya [in Russian]

Summary:

Soviet practice of conservation and use of the religious heritage in the 20-30 years of XX century (on materials of the Baikal region)

In the article based on the materials of federal (SARF) and regional (Zabaikalskyi district, Irkutsk region, the Republic of Buryatia) archives complicated and contradictory experience of conservation and use of religious heritage in the first decades of the Soviet power is analyzed. The author taking into account current legislation considers specific examples of peculiarities of accounting, nationalization and preservation of the Church property in the context of the anti-religious policy of the state. The process of museification of the Orthodox Churches in Irkutsk, Verhneudinsk and Chita as one of the ways of the use of objects of cultural heritages is shown.

Keywords: Zabaikalskyi district, Irkutsk, the Republic of Buryatia, Church, the anti-religious policy